Рисунок И. СЕМЁНОВА.

ЗАКОННАЯ ПРОСЬБА

КРОКОДИЛ

№ 8 (1370) МОСКВА 20 МАРТА 1954 ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ГОД ИЗДАНИЯ XXXII ЦЕНА НОМЕРА — 1 р. 20 к.

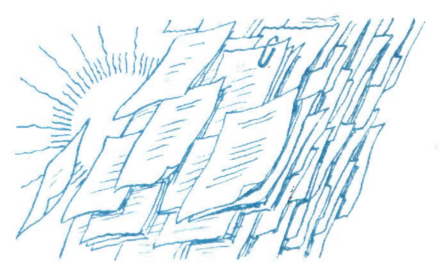
Рисунок В. КОНОВАЛОВА.

На освоение целинных земель Алтая выехала большая группа молодых кубанских механизаторов.

— Лихо ребята наступают!..
— Так это ж кубанские казаки!

Юрий БЛАГОВ

Лавина



Сорвавшейся «сверху»
Огромной лавиной
В далёкой от города
Точке глубинной
Вожак комсомольцев —
Цветущий юнец
Придавлен, измят
И повержен вконец...
Он, кажется, жив ещё...
Редко, но дышит...
Но солнца не видит
И песен не слышит.
На то, чтобы
«Выйти из мрака на свет»,
Покуда надежды
Особенной нет...

Лавина растёт,
Все преграды сметая,
И слева и справа
Юнца окружая,
Всей массой своей
В наступленье идёт
И сушит, и душит,
И жить не даёт.

Извергнули страшные
Силы такие
Райком комсомола,
Обком и другие,
Обрушили тонны
Бумажных пластов
Из тысячи тысяч
Анкетных листов:
«Проводит ли чтения
Он в коллективе?»,
«Читал ли райкомовский
План на активе?»,

Старый Крокодил
http://old-crocodile.livejournal.com
Не разрешается публикация на сторонних сайтах без указания ссылки на первоисточник!

«Что за день успела
Прочесть молодёжь?» —
Вопросов про чтения
В век не прочтёшь!
Анкетам большие
Претят промежутки:
«Какие занятья
Провёл он за сутки?»
Какие занятья?..
Занятья одни —
Корпеть над ответами
Ночи и дни!

Вопрос по вопросу
О разных работах.
«Отчёт о представленных
Прежде отчётах»...
Стихия, несущая
Сонмы вопросов,
Страшнее метелей
И снежных заносов:
Метель отшумит —
И повеет весной,
А эта бушует
И в холод и в зной.
В весеннюю ночку
Пойти б на свиданье...
Но надо свиданью
Сказать «до свиданья!»
На сердце поставив
Запрета печать,
«Вопросы морали»,
Вздохнув, освещать...
Анкета от юноши
Жизнь заслонила,
Он так с головой
Окунулся в чернила,
Что выглядеть начал
В селенье родном
На светлом пейзаже
Чернильным пятном...

В итоге нашествия
Этой лавины
Любой содрогнётся
От грустной картины:
Под глыбой запросов
Отчётов, анкет
Лежит бюрократ
Девятнадцати лет!..

— Пошлите меня на работу туда, где я родился...
— А где ваша родина?
— На Арбате.

Рисунок Бориса ЛЕО.

Комсомольские руководящие работники часто сменяются.

— Неужто ещё вчерашний сидит?

Варвара КАРБОВСКАЯ

Коренная традиция

Молодой конюх Митя Бирюков то и дело отворачивает рукав ватника и поглядывает на часы. Если они с Егором Титычем засветло не выберутся из города,— сидеть им в полынье. И куда запропастился, непутёвый человек! Вышел из райкома, сказал: «Я, Мить, на минутку, одна нога тут, другая там...» И вот уже эта минутка растянулась на добрый час, и ни одной его ноги тут нет, обе там... известно, где.

Митя влезает на козлы, подбирает вожжи. Орлик рванулся с места. Наверное, он в своих лошадиных мечтах давно уже видел себя дома, у кормушки с овсом. Он личный выезд председателя, ему — овёс. Остальные лошади уже с января жуют солому и едва таскают ноги.

— Потише, потише,— уговаривает его Митя.— Ещё покамест не домой. Ещё председателя будем искать, ни дна ему, ни покрышки!

Проехав площадь районного центра, они сворачивают за угол и останавливаются у небольшого дома с голубыми ставнями и зелёной вывеской «Чайная».

В эту самую минуту дверь чайной распахивается настежь, и на крыльце появляется крупная фигура в чёрном кожаном пальто. Это председатель колхоза «Рассвет» Загнеткин Егор Титыч.

Загнеткин стоит на крыльце и всё никак не может расстаться с дверью. Он крепко держится за неё одной рукой, а другой делает широкий жест и, неизвестно к кому обращаясь, произносит:

— О-от... говорят, у меня дисциплины нет. Как это такое — нет! Я только на крыльцо, а лошадь уже у крыльца.

Он выговаривает слова особенно выразительно, хотя и не совсем чётко и правильно, как это бывает с людьми, выпившими сверх обычной для них меры.

— Давайте едемте, Егор Титыч,— укоризненно говорит Митя,— застрянем в полынье — не выберемся.

— Хто сказал? Егор Титыч из... отовсюду выберется и нигде не застрянет.

Сказав эти слова, Загнеткин стремительно спускается со ступенек и так же стремительно преодолевает небольшое расстояние до санок. Но тут его оставляют силы. Закинуть ногу на санки ему не удаётся. Ноги живут своей, особой, независимой от Егора Титыча жизнью и выражают явное желание измерить глубину почерневшего сугроба.

— Дисциплина,— ворчит Митя,— сами с собой совладать не можете! Вот вам и результат получился.

— А ре-зуль-тат неплохой,— говорит Егор Титыч, но больше уже ничего сказать не может, потому что вся его умственная и физическая энергия направлена на то, чтобы влезть в санки. Он всем туловищем валится поперёк санок и подтягивает ноги, чтоб они, чего доброго, не остались в районном центре.

— Эх! — сердито говорит Митя, спрыгивает с козел и закидывает ноги председателя в санки.

— О-от и поехали! — весело произносит Загнеткин и едва не опрокидывается назад, когда Орлик трогает с места.

— Вы держитесь! — через плечо бросает Митя.— Дорогу-то вон как развезло. Шмякнетесь в грязь, красиво будет.

— Я в гррргязь? Ни в коем случае.

В поле, на ветру, Егор Титыч начал несколько приходить в себя. Он уже более уверенно произносит слова, запинаясь только на многосложных.

— О-от, брат Митяй, какие трудности приходится пр... пер... предолевать. Привык к старому месту, к старым людям, к тебе привык, друг Митяй, а теперь снимают — и на новое место, там новые люди...

— Это какое же новое место? — удивлённо спрашивает Митя и даже оборачивается лицом к Загнеткину. Он был уверен, что председателя обязательно снимут с председательского поста и поставят, ну, скажем, бригадиром или рядовым колхозником.— Какое же это место, Егор Титыч?

— Харрошее место,— растроганным голосом произносит Загнеткин.— Такое харрошее, что я даже не ожидал, право слово. Колхоз «Третью пятилетку» знаешь?

— Как не знать! Знаю.

— О-от. Туда меня председателем! В «Третью пятилетку»!

— Интересно! — восклицает Митя и от удивления опускает вожжи.

Поскольку он, по его расчётам, в последний раз везёт бывшего председателя, он решает особенно с ним не церемониться.

— У нас, стало быть, работу развалили, теперь там будете работу разваливать.

— Что это такое значит — развалил? — строго спрашивает Егор Титыч и тычется носом в митину спину.— Как это ты можешь так глупо рассуждать — развалил, когда в высших ин... ин... ссстанциях меня, как родного сына?!.

Смеркалось, пошёл дождь вперемешку со снегом. Орлик бежит крупной рысью, очевидно, предвидя неприятности, которые могут произойти на речке у разрушенного моста, а может быть, просто по привычке исполняет своё ответственное лошадиное задание: хоть председатель и бывший и пьяный, а домой его нужно доставить в целости и сохранности.

Егор Титыч подставляет лицо под холодное снежное месиво и только изредка утирается платком.

— Освежает.— Он засмеялся.— Ты, Мить, думаешь, меня там взгрели? Ничуть не бывало. И я тебе скажу, почему. Сказать?

— Ну?

— А о-от захочу — скажу, а не захочу — не скажу. Но только я конкретно знаю, почему меня не взгрели.

Ему, видимо, очень хочется рассказать про разговор в райкоме, потому что этот разговор был ему чем-то особенно приятен.

— Мить!

— Чего ещё?

— Ты думаешь, сняли Загнеткина, и Загнеткин — уже пропащий челоек, да?

— Покамест не пропащий, поскольку вас сватают председателем в другой колхоз, — резонно отвечает Митя. — Но всё равно, Егор Титыч, даю вам честное комсомольское, вам и на другом месте не удержаться. В соседнем районе Петрушкина с председателей сняли? Сняли. Вроде вас, извиняюсь, был. Теперь в рядовых колхозниках ходит. И к руководству его на пушечный выстрел не подпускают. Вот вам!

— Ага. Это твоё такое комсомольское мнение? Запишем, учтём. А я тебе говорю: на дрругом месте не удержусь, на трретье пер... пре... перведут! Ты русскую поговорку знаешь: «Пьян, да умён, два угодья в ём»?

— Это старая поговорка,— неохотно отвечает Митя, всё внимание сосредоточивая на Орлике, который, осторожно упираясь передними ногами, спускается с пригорка к речке.

— Мить! А ты бы послушал, как Василь Андреич при мне Шибанова костерил! Ой, мать моя, матушка...

— Шибанова? Председателя «Зари»? — переспрашивает Митя.— Да лучше его во всём районе нету!

— Это как на чей вкус! — задорно отвечает Егор Титыч.— Василь Андреич ему говорит: «Чтоб от твоего колхоза двадцать человек на кирпичный завод! А ежели хоть одним меньше — бросай всё на свете и ступай сам глину месить». О как! И опять же насчёт посевной. Говорит: «Ежели ты не обеспечишь в сжатые сроки, то мы с тебя душу вытряхнем». О как!

— А вам что Василий Андреевич говорил? — спрашивает Митя. По его соображению выходит: уж раз Шибанова, председателя передового колхоза, в райкоме пропесочили, то как же тогда досталось ихнему запьянцовскому Егору Титычу?

— Мне? — Егор Титыч добродушно смеётся.— Мне, мил-друг Митяй, Василь Андреич, как всё равно отец родной. «Ах, Загнеткин, Загнеткин, — говорит, — мы тебя поддерживали, мы тебе всякое снисхождение оказывали, потому хоть ты и морально неустойчивый человек, но ты, Загнеткин,— говорит,— морально крепкий человек!» О как!

— Это одно с другим несовместимо — морально неустойчивый и морально крепкий. Что-нибудь да не так,— рассудительно говорит Митя.

— А ты слушай, когда я говорю. Я его слова не ссинографировал. Передаю, как помню, в общих чертах. Он говорит: «Мы тебя и впредь будем поддерживать, Загнеткин. В «Третью пятилетку» тебя просватаем». А я говорю: «Я за советскую власть кровь проливал и ещё, если надо, на любом посту буду проливать!» А Василь Андреич мне руку пожал и говорит: «Мы, Загнеткин, тебе доверяем, но только ты воздёрживайся от спиртных напитков».

— Вот вы и воздержались,— говорит Митя.

— Эх ты...— В голосе Загнеткина звучит сожаление.— Не понимаешь ты самой коренной традиции. А какая самая коренная традиция, хочешь, скажу?

— Ну?

— Самая коррренная тррадиция — пьяного человека жжалеют и уважжают. О как!

— Но не в Советском Союзе! — запальчиво откликается Митя.

Орлик осторожно спускается с крутого берега на лёд возле разрушенного моста. Митя спрыгивает с козел и берёт его под уздцы.

— Давай, давай, давай! — бодрит он Орлика.

Лошадь быстро пересекает речку, напрягая спину, вскарабкивается на берег, а в это время санки увязают в ледяном крошеве.

— Давай, давай!— отчаянно кричит Митя.

Ещё одно усилие Орлика, и санки выкатывают на берег. Но в санках нет Егора Титыча.

— Егор Титыч!

Митя кидается назад к речке. Бывший председатель без шапки, по пояс в воде, хватается за ледяную кромку и мычит:

— Ммммилый Митя, ммилый...

— Здесь не глыбко, не бойтесь, Егор Титыч,— испуганно уговаривает Митя, протягивает Загнеткину руку и тут же сам соскальзывает в воду. Орлик добросовестно стоит на берегу и ждёт, когда кончится эта возня. Кое-как они, и конюх и бывший председатель, вылезают на берег. Митя зол до крайности: новые хромовые сапоги полны воды.

— Утопнуть бы тебе, чёрту! — сквозь зубы цедит он.— И в «Третьей пятилетке» спасибо сказали бы. Так нет, вылез-таки. Да я ещё пьянице подсобил. Видать, сильна коренная традиция.

— Вылез,— удовлетворённо произносит Егор Титыч, вваливаясь в санки.— Маленько подмочился, неважно, просохну. А только ты теперь давай поживей.

Орлик трогает с места и сразу переходит на крупную рысь. Он своё дело знает, не даром ест овёс.

ВАС ВЫЗЫВАЕТ ДУБОВИК

В купе скорого поезда Ленинград — Москва входит запоздалый пассажир. В руках у него лыжи и потёртый портфель.

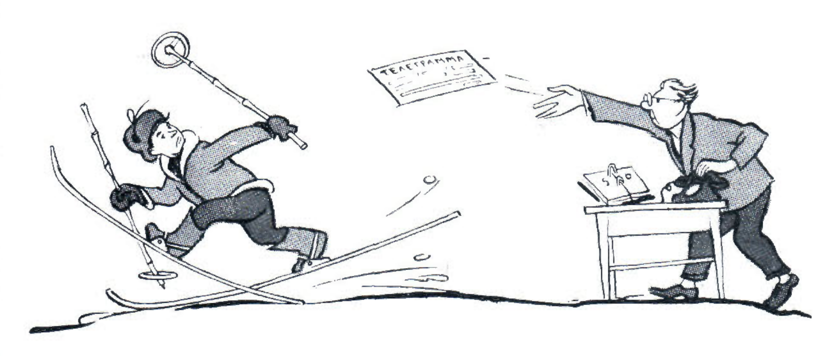
— Простите,— обращается он к пожилой полной женщине, занявшей верхнюю полку,— может, мы поменяемся? Я до Бологого, и у меня нижняя полка. Вам будет удобнее.

— А мне и здесь удобно,— звучным контральто отвечает пассажирка,— но если уж вы такой настойчивый...

Пассажирка спускается сверху.

— А вы напрасно, гражданин, лыжи не сдали в багаж. Они здесь мешать будут...— придирчиво замечает она.

— Да я на один день еду, в воскресенье на лыжах походить. А с багажом морока...



— Стоит ли так далеко ездить на один день? — недоумевает полная женщина.— Разве вам на Кировских островах или в Парголове не нравится?

— Ещё как нравится-то!— жалобным тоном отзывается лыжник.— Но... где гарантия?

— А какая же гарантия вам, собственно, требуется?

— Гарантия выходного дня!— торжественно произносит странный пассажир и, видя недоумение в глазах своей собеседницы, спешит пояснить:— Видите ли, работаю я на ленинградском заводе «Кинап», и... вот, пожалуйста, полюбуйтесь.

Он достаёт из бумажника стопку телеграмм.

— От неё?— пытается угадать пассажирка.

— От него! — поправляет странный пассажир. — От Владимира Григорьевича Дубовика — нашего главного инженера. Такие телеграммы можно найти у многих работников «Кинапа». В конце месяца нашему директору Сергею Михайловичу Кузнецову начинает казаться, что механосборочный цех «не дотянет». Тут как тут и является этот самый Дубовик перед директором, как Мефистофель перед Фаустом, и предлагает: «У меня есть идея! Воскресенье отменяется. Все выходят на работу. План выполняется». «Но ведь смена уже разошлась!.. Вы успели предупредить товарищей?» «Без согласования с вами я этого не мог сделать,— резонно замечает Дубовик.— А мы их по телеграфу известим. Так, мол, и так: завтра в восемь ноль-ноль выйти на работу. Воскресенье отменяется!» И так не одно воскресенье пропадает...

— Ну, это уж — форменное безобразие! — Полная женщина в изумлении всплёскивает руками.

— И я говорю: безобразие! У одного в воскресенье пропали билеты на «Лебединое озеро». У другого сорвалась лыжная прогулка. Третий обманул собственных детей, которым была обещана поездка в зоопарк. Четвёртый не навестил больную сестру в больнице. А заводу, думаете, польза? Да ровнёхонько никакой! В прошлое воскресенье, например, работы оказалось всего на два — три часа! Людей вызвали, а деталей не подвезли. Все слонялись без дела... Впрочем... извините великодушно. Я вас совсем заговорил. Пора и честь знать! До Бологого можно вздремнуть немного.

И кинаповец птицей взлетает на верхнюю полку. Его спутница располагается внизу. В купе водворяется тишина.

Не проходит и часа, как в дверь осторожно стучат.

— Откройте, пожалуйста!— раздаётся голос проводницы.

У пожилой пассажирки чуткий сон, она тотчас открывает дверь.

— У вас место номер пятнадцать? Вам телеграмма.

— Вот наваждение! От кого бы это?.. «Предлагаю явиться работать заводе воскресенье шестого. Дубовик».

— Ничего не понимаю! Постойте-ка... Дубовик? — Внезапно лицо пассажирки светлеет. — Гражданин! А гражданин! Проснитесь!

— Что? Что такое?! — Перепуганный кинаповец камнем срывается вниз.

— Телеграмма... Вас вызывает Дубовик!

Кинаповец, мрачный, читает телеграмму и, не сдерживая себя, чертыхается.

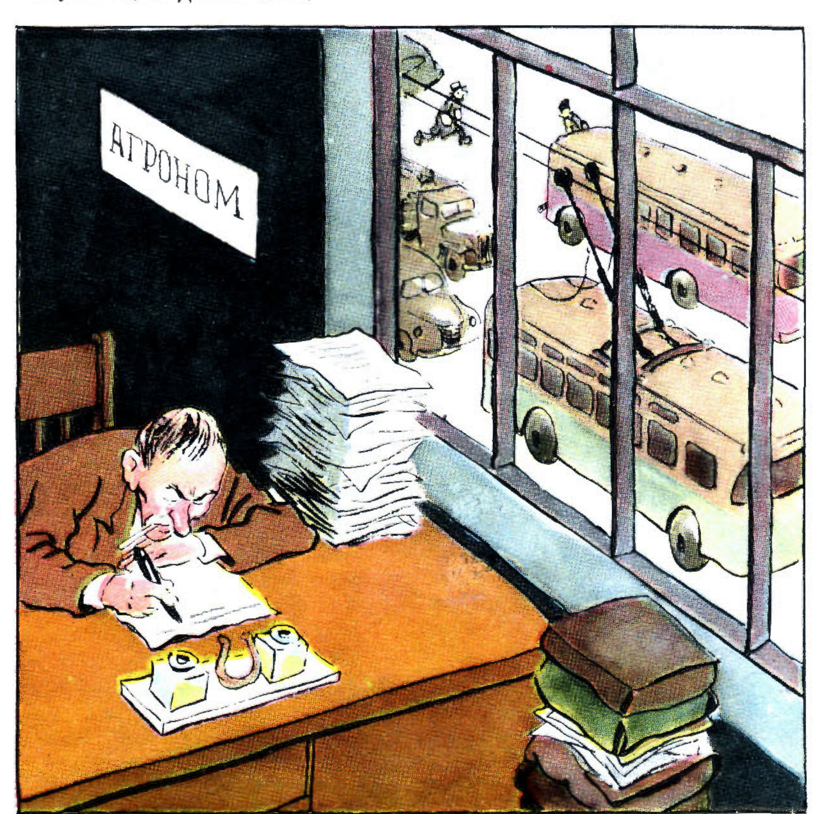
— И дёрнула меня нелёгкая показать билет секретарше! Ещё одно воскресенье сорвалось!

Кинаповец забирает свои лыжи и уныло плетётся к выходу.

А. ЛЕПИН,
М. МЕЛЕНЕВСКАЯ

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

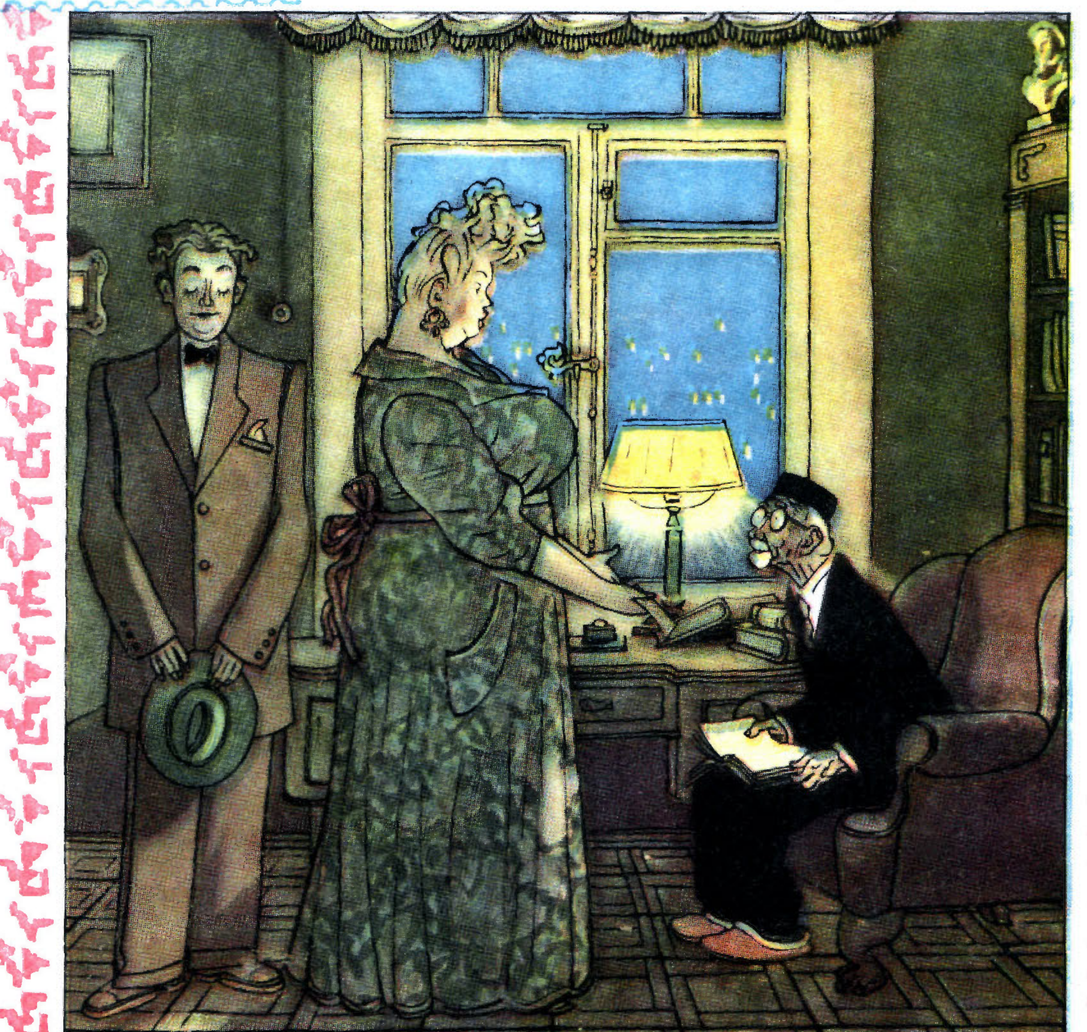
В ГОРОДЕ... ...В КОЛХОЗЕ



От перемены мест сумма работы не меняется.

ЕДИНСТВЕННЫЙ У МАМЫ

Рисунок В. ЛИТВИНЕНКО.



— Что ты ему эту несчастную сотню сунул! Дети солидных родителей по ресторанам гуляют, а твой, как сирота, по пивным мотается.

Каждую зиму в артели имени Маяковского, где председателем тов. Луста, скот мёрзнет и голодает. Помещения ферм не отремонтированы, не утеплены, корма не заготовлены (письмо из Пирятинского района, Полтавской области).

Рисунок С. САМУМА.

— Проходите без очереди, может, над маленьким сжалятся.

ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ

На днях в нашу редакцию доставлена небольшая клеёнчатая тетрадь. Она оказалась дневником одного из деятелей архитектуры, фамилию которого, к сожалению, установить не удалось. Записи в дневнике представляют интерес, и редакция, изъяв сугубо личные мотивы, решила их опубликовать.

Январь 1953 года. Жена творческими вопросами не интересуется: «Надоел ты мне со своими колоннами и пилонами!» С кем бы поговорить? Решил вести дневник.

Февраль. Составляется план работы Союза. Дал свои ценные указания. Приняли. Одобрили. Очень хорошо.

Конец марта. Получил «План основных мероприятий правления Союза советских архитекторов СССР на 1953 год». Издано хорошо. Обложка на мелованной бумаге. Читал с удовольствием. Предполагается одиннадцать творческих совещаний и дискуссий. Очень хорошо. В Москве, Киеве, Свердловске, Ленинграде и Алма-Ате. Очень хорошо. На май намечен Пленум правления. Замечательно. Позвонил по телефону Николаша. Он тоже увлечен планом. Назвал его планом эпохи возрождения творческой работы нашего Союза. Хорошо. Продолжал читать и размышлять, но, к сожалению, вызвали на заседание секретариата. Обсуждали вопрос о доме отдыха «Суханово».

Начало апреля. Снова изучал план. Намечено ещё пять творческих отчётов республиканских и областных организаций нашего Союза. Сначала заслушаем Украину, затем Белоруссию, ленинградское отделение... Очень хорошо. Начал размышлять, но не удалось: вызвали на заседание секретариата. Обсуждался вопрос о доме отдыха «Суханово».

Середина апреля. План не выходит из головы. Ещё намечено провести съезды архитекторов в десяти республиках и двенадцать краевых и областных конференций. Обязательно поеду на Ярославскую областную конференцию. Очень люблю этот старинный волжский город. Сел за книги об Ярославле. Но почитать не удалось: вызвали на заседание секретариата, где разгорелся интересный спор. Одни, главным образом бездетные, считали, что в дом отдыха «Суханово» детей пускать ни в коем случае нельзя. Другие утверждали наоборот. Решение пока не принято. На этом же заседании распределяли лимит бензина на легковые машины. Тоже поспорили.

Конец мая. Пленум правления перенесён на ноябрь. Очень хорошо. Творческое совещание архитекторов пяти республик в Алма-Ате перенесено на неопределённое время. Определённо неплохо. Был на заседании секретариата. Обсуждался очень интересный вопрос — о размере дотации за путёвки в дом отдыха «Суханово». Заодно поговорили о переименовании дома отдыха «Зеленогорск» в «Архитектор». «Зеленогорск» может быть у кого угодно: у писателей, у композиторов, у художников, — у нас должен быть только «Архитектор». Это звучит монументально.

Конец июня. Приехал из отпуска. Неплохо провёл время в «Суханове». Говорят, в Союзе много новостей. Съезд архитекторов Казахской ССР отложен. Конференция в Иванове перенесена. Творческий отчёт сталинградского отделения отложен. «С корабля на бал» — сразу попал на заседание секретариата. Обсуждался вопрос о доме отдыха «Суханово». Не пускать туда с детьми было решено ещё раньше. Возник вопрос о жёнах. Решения никакого не принято.

Конец июля. Интересовался издательской деятельностью правления. В этом году предполагалось выпустить «Ежегодник Союза советских архитекторов» и «Сборник материалов Пленума, творческих дискуссий и совещаний». О «Ежегоднике» говорить ещё рано: год ещё не кончился. Со вторым сборником хуже. Пленума не было, дискуссий не было, отчётов не было. А что если издать сборник протоколов заседаний секретариата? Был на заседании секретариата. Обсуждался вопрос о доме отдыха «Суханово». Попутно обсудили ещё один боевой вопрос — о порядке приёма новых сотрудников по управлению архитектурного фонда и других учреждений Союза. Установлено, что кое-где новых сотрудников принимают без согласования с секретариатом. Это плохо. За полгода без согласованности принято два курьера и одна уборщица. Много спорили. Постановили: согласовывать.

Август. Присутствовал на заседании Президиума. Обсуждался вопрос о доме отдыха «Суханово». Принято развёрнутое решение. В «разном» мы говорили о том, что пора отделаться от мелких организационных вопросов, заняться творческими. Все обещали подумать об этом. Обсудили ещё один вопрос — о выдаче архитектору Пожарскому одного фотоальбома. Поспорили. Постановили: выдать. Шёл домой вместе с Николашей. Боже мой, до чего же хороша Москва на рассвете! Николаша меня расстроил. Он потихоньку сказал, что в нашей архитектуре появились два стиля: один «Плоховатто» и второй «Дороговатто». Надо, дескать, поговорить, поспорить. Пришёл домой грустный.

Сентябрь. Говорят, что Дом архитектора постепенно превращается в учреждение. И ещё говорят, что руководители Союза мало общаются с рядовыми членами. Лично посетил Дом архитектора. Понял всю вздорность слухов. В голубой гостиной один уважаемый член правления сразу диктовал двум машинисткам. В красной гостиной около одной машинистки стояли два члена правления. Был на заседании секретариата. Обсуждался вопрос о доме отдыха «Суханово».

Октябрь. Узнал, что конференции в Краснодаре, Куйбышеве, Молотове, Хабаровске перенесены на неопределённое время. Очень хорошо. Будет время подготовиться по-настоящему. На заседании секретариата не был.

Ноябрь. К сожалению, из-за болезни не мог присутствовать на Пленуме.

Декабрь. Съезды архитекторов в Армении, Белоруссии, Казахстане, Литве перенесены на неопределённое время. Присутствовал на заседании секретариата. Обсуждался возмутительный случай. В Рижском доме отдыха была сестра-хозяйка Грабе. Её освободили от занимаемой должности без согласования с секретариатом. Хорошо, что сам ответственный секретарь Союза советских архитекторов товарищ С. Е. Чернышёв не растерялся и дал строгую телеграмму.

Январь. Говорят, что на днях будут обсуждаться итоги года. Готовлюсь к прениям. Во всяком случае, о доме отдыха «Суханово» я поговорю.

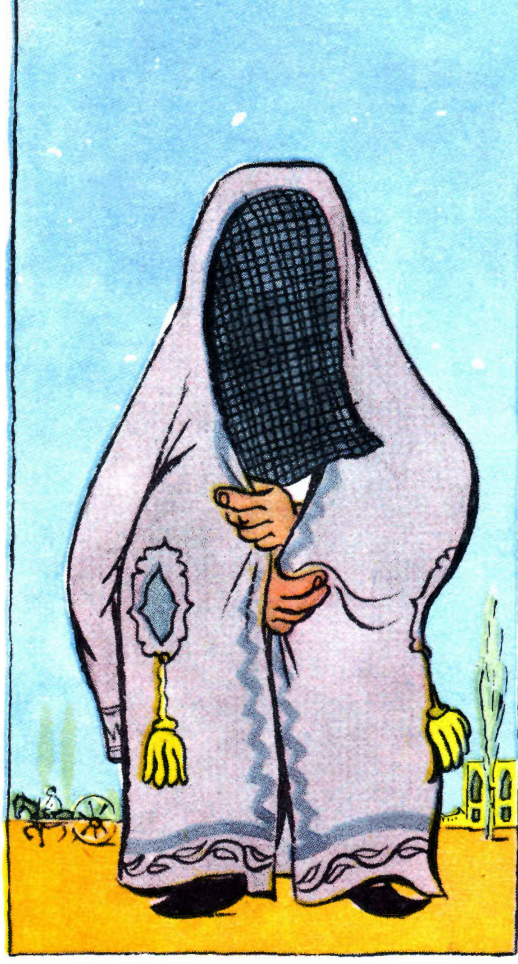
Февраль. Видел проект «Плана основных мероприятий правления Союза советских архитекторов СССР на 1954 год». Говорят, что издадут так же хорошо, как и в прошлом году. Обложка на мелованной бумаге. Очень хорошо. Звонил Николаша. Он тоже видел проект и даже назвал его планом эпохи возрождения творческой работы нашего Союза. Впрочем, где-то я это уже слышал...

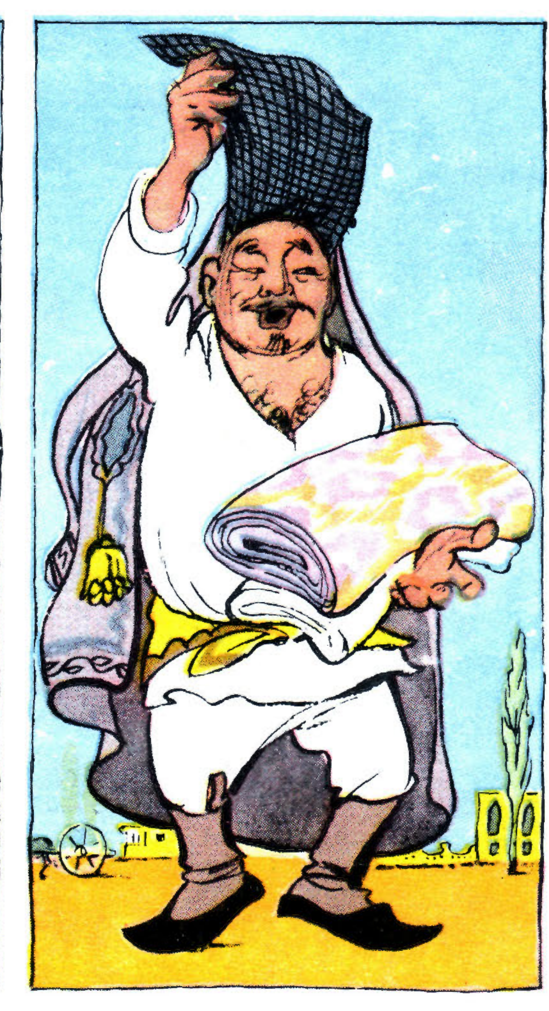
Дневник подготовили к печати
Арк. ВАСИЛЬЕВ и И. ВАЛИН

ВОСТОЧНОЕ ЧУДО

Рисунок С. МАРФИНА (Ташкент).

В Узбекистане наблюдаются случаи, когда спекулянты в целях маскировки надевают паранджу.

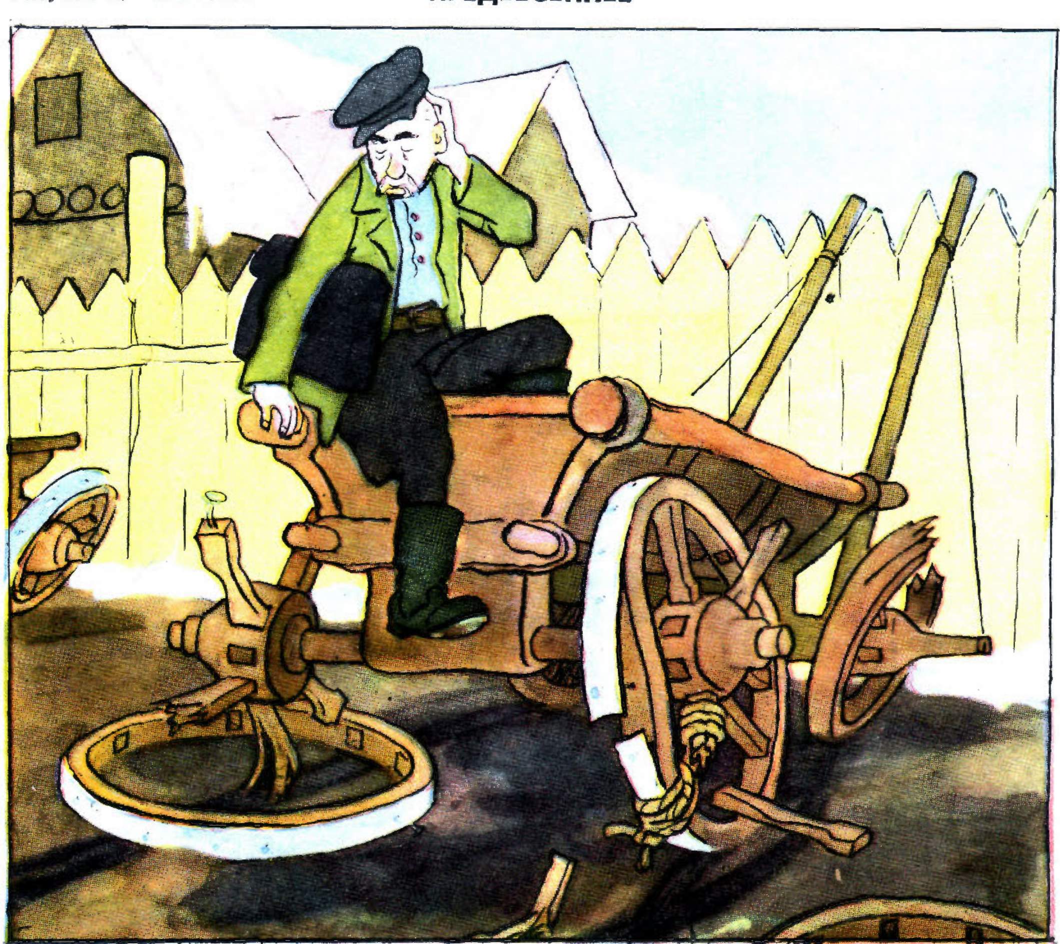




— Шёлк, мадаполам
Дёшево продам!

ПРЕДВЕСЕННЕЕ

Рисунок Е. ГОРОХОВА.



— Эх, хотя бы кто палки в колёса вставил!

Рисунок Б. ПРОРОКОВА.

СПЛЕТНЯ

ИЗ МАТЕРИАЛОВ, ПОСТУПИВШИХ НА КОНКУРС КРОКОДИЛА

В КУРСЕ ДЕЛА...

— Стыдно, батенька, стыдно! И то, что в детстве учили, забыли и нового не узнали. Позор! В колхозах дискуссии по вопросам литературы, люди до хрипоты спорят о героях художественных произведений. А вы? Приезжаете в деревню и...

— Но,— пробовал возразить Петелькин,— ведь я же призывал повышать культуру!

— Слышал. Уж лучше бы совсем молчали. Других призывали, а сами... Во-первых, не Вася Железнов, как вы изволили говорить, а Васса Железнова. Да-с! Во-вторых, какой Печкорин дрался на дуэли? Не Печкорин, запомните, а Печорин, и не с княжной Мери, а с Грушницким. С женщинами на дуэлях не дрались. И затем, откуда вы взяли, что Чичиков написал «Мёртвые души»?

Трижды выступала, высыхала и снова появлялась роса на лбу заместителя председателя райисполкома Ивана Терентьевича Петелькина.

— Понимаю, Степан Прокофьевич, исправлю, учту.

— Ничего вы не понимаете, батенька. Люди растут, жизнь идёт вперёд, а вы всё на «ура»! Отстали. Даже книг не читаете. А ещё руководить хотите!

В тот же вечер, согнувшись под тяжестью груза, Иван Терентьевич нёс домой огромную охапку книг.

— Такая конъюнктура, — сказал он жене, раскладывая книжки. — Из-за какого-то Чичикова чуть не погорел.

— А-а! — воскликнула супруга. — Дошло-таки наконец! А что я всё время твержу? Преферанс к добру не приведёт.

— При чём тут преферанс? — переходя к обороне, робко возразил Иван Терентьевич.

— Он ещё спрашивает, при чём! Днём на совещаниях, а ночами до утра за картами! Читал бы хоть серёжкину хрестоматию для восьмого класса!

— М-да,— примирительно проговорил Петелькин. — Пожалуй, в твоих словах есть рациональное зерно. Но без твоей помощи не обойтись.

— Вот ещё чего! Мало, что ли, я помогаю? И за детьми смотрю, и стряпаю, и убираю.

— Видишь ли, Маша,— нежно и вкрадчиво заговорил супруг,— я о немногом прошу и тебя не очень загружу. Мне тонкости художественной литературы — погода, природа и прочие переживания — ни к чему. Лишь бы быть в курсе дела: кто, что, кого и за что. Так что, Машенька, читай, а потом мне своими словами...

Вскоре у Ивана Терентьевича от былой неуверенности не осталось и следа. Он важно ходил по исполкому, гордо неся бочку-живот, точно обручем, перехваченный ремешком. То, что Евгений Онегин убил Ленского, а Анна Каренина бросилась под поезд, казалось Петелькину тайной, известной лишь ему одному...

— Я! Петелькин! — важно откликнулся он на звонок из областного центра. — Как? Конечно, на все сто процентов, Степан Прокофьевич!

— Вы что, смеётесь? — раздался раскатистый бас. — Я вас спрашиваю, как вы реагируете на критику, а вы...

— Я... я реагирую, Степан Прокофьевич,— заикаясь и путаясь, заговорил Петелькин. — Освоил Онегина: он застрелил Ленского. Да и Анну Каренину. То есть не он застрелил, а... Вот до «Грозы» доберусь и тогда за критиков возьмусь...

— Доберётесь!.. — последовал саркастический ответ. — До вас уже добрались. Критики уже взялись за вас и разделали...

— Кто, где разделал? — пролепетал Петелькин.

— А вы и не знаете?

— Ещё нет...

— А газеты читаете?

— Как же, просматриваю. Всегда в курсе дела, но...

Сумерками «газик» отвозил в библиотеку небрежно сваленные в кучу книги, а обратным рейсом доставил на квартиру Петелькина подшивки центральных и республиканских газет.

— Художественная литература отменяется,— твёрдо заявил он супруге.

Надо отдать должное Марии Степановне: в свободное от хозяйства время она усердно следила за газетами.

— Ну, чего там нового пописывают? — спрашивал Петелькин, торопливо поедая завтрак.— Докладывай.

— Чего пишут? Вот про передовой опыт колхозов.

— Какой местности?

— Подмосковной.

— Ясно!..

— Там горшочки торфоперегнойные. Их делают для...

— Без деталей. Не святые горшки обжигают. В курсе... Что за границей?

— Парламент заседает.

— Ясно!.. В курсе... Без деталей...

— «Ясно», «в курсе»! — возмущалась Мария Степановна. — А, по сути, ничего тебе не ясно. В одно ухо влетит, а в другое вылетит. Взял бы сам почитал, да ещё с карандашиком, поразмыслил на свежую голову. Вот тогда, может, и был бы в курсе дела. А то...

Однако и небольшие крохи информации, почерпнутые от жены, Иван Терентьевич считал солидным багажом. Полученные знания распирали его, рвались наружу. Вот почему, когда на районное совещание прибыли представители из области, Петелькин несказанно обрадовался.

— А! Смею доложить,— радостно воскликнул он, увидев Степана Прокофьевича в кругу колхозников,— ваше указание реализую полностью. Исправляю недостатки. Жму на газеты: внутренние и международные темы и какие там, в Англии, эти... консерваторы.

— Зачем в Англию за консерваторами ездить,— раздался звонкий голос колхозного бригадира Хоменко,— когда у нас свой есть? Никак не утрясёшь с вами вопрос о торфоперегнойных...

— Горшочках? В курсе дела, — быстро отозвался Иван Терентьевич, вспоминая услышанное от супруги. — Знаю, в Подмосковье.

— А у нас? — настойчиво переспросил бригадир.

— Полный порядок. Подберём гончаров, будем лепить.

Раздавшийся смех Петелькин воспринял как дань быстрой ориентировке и ещё более повеселел.

— Может, вы совсем решили обойтись без горшочков? — холодно переспросил представитель из области.

— Решили! — ободрённый подобной постановкой вопроса, уверенно заявил Петелькин. — Честное слово, в лепёшку разобьёмся, а обойдёмся! Можете их нам не занаряжать...

Снова раздался смех. А вечером растерянный, взволнованный Иван Терентьевич отвозил в библиотеку подшивки газет. В ушах его ещё долго звучала реплика, сказанная вслед за этим секретарём райкома: «До каких пор, Петелькин, по верхам порхать будете? Ничего не знаете и, главное, знать не желаете. Всё вам лишь бы быть «в курсе дела».

Домой Иван Терентьевич принёс две пачки сельскохозяйственной литературы.

— Переключаюсь на агротехнику,— уныло сказал он супруге.

Мария Степановна к этой перспективе отнеслась без особого восторга...

В. ПОДОЛЬСКИЙ

г. Николаев.

Рисунок Б. ПРОРОКОВА.

ШЛЯПА, или КТО УПРАВЛЯЕТ УПРАВЛЯЮЩИМ.

С ПОДЛИННЫМ СКВЕРНО

УПРЯМЫЙ ЗАЯЦ

(Сказка-быль)

Подстерёг охотник зайца, ружьё вскинул и уже было стрелять собрался.

— Ну-ну! — говорит заяц. — Ты это дело брось! В меня сейчас нельзя стрелять.

— Это почему же нельзя?

— А очень просто,— говорит заяц.— Мне доподлинно известно, что охота на меня и на лису ограничена в наших местах последним днём февраля. А этот последний день был вчера — 28 февраля.

— Ну, брат, нет, ты не в курсе событий,— возразил охотник и подал зайцу официальную бумажку:

«Председателю общества охотников Боковского р-на, Каменской области.

Согласно распоряжения Исполкома областного Совета депутатов трудящихся от 29 января 1954 года № 39 охота на лисицу и зайца продлена по 31 февраля (!) включительно. Срочно оповестите всех охотников города и района...

Председатель обл. общества охотников Боровский

Охотовед Малюгин».

— Убедился? То-то!— сказал торжествующий охотник и метким выстрелом в упор уложил наповал упрямого зайца.

ПОД КРЫЛЫШКОМ НОВОГО ХОЗЯИНА

Мы не присутствовали на беседе, во время которой испанского диктатора Франко уличили в нерешительности и трусости. Но, должно быть, Франко очень упорно отбивался от обвинений американского представителя.

— Позвольте! — взывал каудильо к своему американскому другу. — Ведь я и так предоставил вам авиабазы, порты, национальные богатства и вообще всё, что можно было. И, заметьте, сделал это с определённым риском.

— За это вам уже заплачено, — бурчал американец. — А вы могли бы и ещё кое-что сделать. Вот, например, у вас под боком лежит эта база — Гибралтар.

— Но она же английская!

— Знаю. Однако до пятнадцатого века она была испанской. Вот вы и сказали бы своему народу, что англичане захватили Гибралтар нечестным путём, что они колонизаторы, империалисты, наконец. Ну, вы и сами что-нибудь в этом роде придумаете.

...Проходило время, но слова американского советчика не давали коротышке покоя. Наконец он решился отбросить прирождённую трусость. И всюду, где только можно, он стал кричать, что Гибралтар принадлежит Испании, а затем и недвусмысленно бряцать оружием, стремясь припугнуть англичан.

«Если мы потеряем надежду на то, что Гибралтар можно в ближайшее время возвратить мирным путём, — в воинственном азарте вопил Франко, — мы используем все средства, чтобы наконец разрешить это несправедливое положение!»

Пропагандистская машина фаланги принялась усердно подпевать своему генералу. В газетах появились залихватские статьи под заголовками: «Гибралтар наш!», «Часть нашей территории», «Пора положить конец несправедливости!», «Англия... знает, что рано или поздно ей придётся опустить свой флаг в Гибралтаре».

Кто-то из особо ретивых приспешников Франко предложил даже устроить специальный конкурс среди журналистов Испании. Участвующие должны были написать статью или репортаж о Гибралтаре. Но написать об этом они должны были так, говорилось в условиях конкурса, чтобы каждому стало ясно, что «Гибралтар вечно живёт в памяти испанцев». Отмеченная солидной денежной премией, статья была напечатана во всех испанских газетах.

Убедившись, что воинственная вакханалия по поводу Гибралтара остаётся совершенно безнаказанной, каудильо принялся и за французское Марокко.

«Франко развлекается, — отечески посмеивалась американская газета «Чикаго трибюн». — Он накручивает хвост английского льва и выдёргивает перья из галльского петуха».

И «Чикаго трибюн» тут же с беспримерной наглостью науськивала коротышку: «Как Британская, так и Французская империи распадаются и готовы к разграблению».

Однако газетная шумиха и даже воинственные заявления Франко слабо действовали на нервы английских дипломатов, они попрежнему не теряли самообладания и проявляли в отношениях с Франко традиционную презрительную сдержанность.

Тогда были пущены в ход франкистские молодчики из университетского профсоюза (СЕУ). Им приказали устраивать «стихийные» демонстрации с требованием «вернуть» Гибралтар. Все детали «стихийных» демонстраций — места сбора, время, лозунги и даже песни, которые должны были распевать молодые фалангисты, — были в точности предусмотрены. «Стихийность» была доведена до такого совершенства, что во время прохождения демонстрантов мимо английского посольства вблизи «случайно» появились три грузовика, наполненных камнями. Грузовики были быстро разгружены демонстрантами; при этом камни полетели прямо в окна посольства. Уравновешенность англичан на сей раз была подвергнута сильному испытанию. Отсиживаясь в коридорах посольского дома под звон разбитых стёкол и грозное скандирование «Гиб-рал-тар!», сотрудники посольства пережили неприятные минуты.

«Франко спущен с цепи» — так характеризует иностранная печать истошный вой, поднятый в Испании вокруг Гибралтара. Заключённый с США военный договор придал испанскому диктатору уверенность в «своих» силах. Снова, как и во времена Гитлера, он начинает показывать свой хищный оскал. «В Париже и Лондоне считают, — сквозь зубы признаётся «Нью-Йорк таймс», — что существует связь между буйством генерала Франко и его новым военным союзом с Соединёнными Штатами».

Но это лишь одна сторона дела. Свистопляска вокруг Гибралтара является и своего рода шумовым эффектом, которым Франко пытается перекрыть гул американских бомбардировщиков, базирующихся на многих испанских «гибралтарах», а одновременно отвлечь безрадостные мысли испанцев от нищеты и террора, царящих на испанской земле.

В. ЧИЧКОВ

Рисунок Ю. ГАНФА.

АДЕНАУЭР: — Я очень доволен нашей новорожденной дочерью, фрау Крупп! Помолимся же нашему господу боссу, чтобы она поскорее заговорила.

КОЛОНИАЛЬНЫЕ ТОВАРЫ

Так называемая западная цивилизация уже длительное время служит предметом вывоза в страны Азии и Африки. Правда, за последние годы этот некогда обширный рынок сбыта значительно сузился; в то же время на оставшемся жизненном пространстве экспортёры испытывают всё большие затруднения. Сказывается нехватка на местах квалифицированных агентов по сбыту: старые, опытные кадры колонизаторов при активном содействии коренного населения, борющегося за своё освобождение, быстро выходят из строя. В поисках свежих сил культуртрегерам приходится совершать далёкие вояжи.

Недавно, например, некий доктор Ф. Фарренкотен из Иоганнесбурга (Южно-Африканский Союз) посетил Голландию. Нам не известно, в каком учебном или лечебном заведении подвизается доктор, но, судя по этому его визиту, он является крупным специалистом в области рабовладельческих наук.

Южноафриканские колонизаторы поручили Фарренкотену отобрать группу молодых голландцев для работы в качестве надсмотрщиков на золотых приисках. По сообщению голландской газеты «Де телеграаф», разборчивый вербовщик предпочитал «здоровых и неженатых людей в возрасте от 18 до 25 лет».

Как видно, доктор Фарренкотен давно и основательно набил руку на закупках подобного рода. Он быстро отобрал нужный ему сырой материал в количестве пятисот единиц. С распростёртыми объятиями были приняты субъекты, обладающие развитыми бицепсами, минимумом умственных способностей и неискоренимой склонностью к прожиганию жизни.

Кадры доктора Фарренкотена, свидетельствует «Де телеграаф», включают мясников, парикмахеров, полицейских и оперных певцов. Конечно, самому полицейскому безразлично, где использовать своё орудие производства — дубинку. Что же касается остальных профессионалов, то и они надеются овладеть полицейским ремеслом в самые сжатые сроки.

Однако доктор Фарренкотен и его южноафриканские коллеги придерживаются иного мнения. На их взгляд, весь этот пёстрый сброд — пока лишь не более чем полуфабрикат. По доставке в Африку он должен поступить в дальнейшую обработку — в полуторагодичную школу, где его и превратят в готовое изделие. «Мы должны иметь прекрасно обученный персонал из белых, а тяжёлую работу выполняют негры», — не уставал твердить Фарренкотен во время пребывания в Голландии.

Экспорт надсмотрщиков лишний раз показывает, что представляет собой «помощь слаборазвитым странам», о которой до хрипоты кричат высокооплачиваемые западные пропагандисты. Визит откровенного колонизатора Фарренкотена в Голландию лишний раз разоблачает всю ложь об этой «помощи» — ложь, на которую впустую тратится столько чернил, слюны и красноречия.

Б. ТИТОВ

— Часть оливковых ветвей отправьте нашим дипломатам в Вашингтон, а остальные используйте для маскировки самолётов.

В Нью-Йорке сносят дом Марка Твена.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

Ещё один бездомный в США.

САМОРЕКЛАМА СО ВЗЛОМОМ

Его превосходительство Пьетро Кварони — старый дипломат. В своё время он представлял Италию в Турции, Аргентине, затем в России (в период мимолётного правления Керенского). Он побывал в Афганистане, потом снова, уже после второй мировой войны, в Москве. Ныне синьор Кварони подвизается в Париже, где, по льстивым сообщениям буржуазной итальянской печати, собирается упаковывать чемоданы в ожидании нового, высшего, в понимании западной дипломатии, назначения — в Вашингтон.

Обременённый годами и впечатлениями, дипломат решил на старости лет поделиться с соотечественниками своими воспоминаниями. В этом, конечно, нет ещё ничего предосудительного.

И вот почтенный римский дипломат пустился в рискованное плавание по литературным морям. Отыскалась и «серьёзная» буржуазная газета — итальянская «Коррьере делла сера», которая приняла новоявленного литератора с распростёртыми объятиями. В частности, газета широко разрекламировала мемуары Кварони о его пребывании в России во время Октябрьской революции.

Однако появление на свет лишь части этой кваронииады уже оказалось крупным уголовно-литературным происшествием. Выяснилось, что целые страницы и даже главы начисто списаны престарелым итальянским дипломатом из романа советского писателя Алексея Толстого «Хождение по мукам». Итальянская газета «Унита», а также французская «Либерасьон» указывают на страницы 197, 209—212 и многие другие из французского издания «Хождения по мукам» 1952 года, целиком переписанные трудолюбивым и плодовитым автобиографом.

Любопытно, что Кварони особо смакует свою поездку в ставку Деникина во время гражданской войны. Он, подчёркивая своё сочувствие разрушительным идеям анархизма, подробно расписывает «забавное приключение», случившееся с ним во время этой небезопасной прогулки, когда он попал в плен к банде Махно. Да и как не посмаковать! Почтенный дипломат полностью приписывает себе роль, которую там играл толстовский капитан Рощин в период своих шатаний и заблуждений.

Что же побудило синьора Кварони пригоршнями «заимствовать» материал из русского романа?

Вспомним, что синьор Кварони собирается в Вашингтон, а известно, что там «специалисты по русскому вопросу» котируются высоко. Вот римский дипломат и попытался своими мемуарами возвысить себя в глазах стратегов «холодной войны».

Как видим, это оказалось далеко не лёгким делом.

Интересно, сможет ли синьор Кварони оправдаться перед Вашингтоном? Для его карьеры дипломата теперь это вопрос жизни и смерти.

Б. ВЛАДИМИРОВ

Коротко, но ясно...

ПРОВОРОВАЛСЯ

Недавно член палаты представителей от штата Калифорния республиканец Брамлет предстал перед судом. Оказывается, он составлял платёжные ведомости на несуществующих служащих своей канцелярии, а жалованье этих «мёртвых душ» присваивал.

Удивителен здесь, конечно, не самый факт как таковой. Многие конгрессмены воруют. Поразительно то, что Брамлет попался. В самом деле, человек избирается в конгресс уже четвёртый раз и вдруг попадается на такой чепухе! А ведь, должно быть, считал себя опытным конгрессменом!

КАНИТЕЛЬ

Ульяна Пименовна Холопова третий час стоит в очереди к кассе Гривского отделения Госбанка в городе Даугавпилсе. За это время она успела рассказать окружающим о причине своего приезда в город из селения Медупа, что в тридцати километрах отсюда.

— Вот какая оказия! Сельхозналог был нами внесён задолго до срока. Мы своему государству верные помощники. Не ждали, чтобы инспектор или агент напоминал нам: «Что ж ты, бабушка Ульяна, государственную повинность задерживаешь?» Так вот, чтобы агент не беспокоился, я налог свой вносила досрочно. Всё честь по чести, ни одной копейки за мной не осталось. А тут закон от первого июля, освободивший меня от всех налогов. Пригласили меня в районный финансовый отдел, приняли честь по чести, усадили в кресло, говорят: «Можете, бабушка, всю свою сумму получить обратно». Дали чек вот на триста шесть рублей двадцать две копейки. «Ступайте,— говорят,— в отделение банка, там выплатят эту сумму». Вот какая оказия!

Люди, слушающие рассказ старой крестьянки, сердечно поздравляют её и уступают Ульяне Пименовне место поближе к окошку кассира.

Кассир взял у Холоповой чек, повертел бумагу перед своим носом, молвил:

— Подпись?

— Что вам, голубчик?

— Ваша подпись в получении денег.

— Ах ты, оказия! Подпись, говоришь? Да я же неграмотная, голубчик!

— Следующий!

— Так пусть кто-либо из граждан распишется за меня. А то я крестик поставлю...

— Нужна только личная подпись. Не задерживайте очередь, гражданка!

Старуха идёт от окна кассира к управляющему отделением банка Г. Д. Воронину. Управляющий принимает Ульяну Пименовну с подчёркнутой деловитостью.

Ульяна Пименовна, стоя у письменного стола управляющего, излагает ему своё дело и отвечает на его вопросы.

— Вам семьдесят пять лет от роду?

— Так точно, голубь мой! Родилась я тогда, когда была ещё война с турками под Плевной, вот когда родилась...

— Вы неграмотны?

— Совсем не училась, сынок! Какая была школа в старое время?.. Это теперь у нас в деревне все молодые учатся. А моя молодость прошла при государе императоре, а в старые годы не до школы было...

— Надо было учиться, бабка,— подводит итог беседы управляющий банком. — Век живи — век учись.

— Умное слово, сынок. Да век-то мой, видишь ты, заели нужда да горе. После государей императоров был у нас, в Латвии, Ульманис, не к ночи будь помянуто его имя... Так ты скажи, чтобы мне оплатили чек-то.

Г. Д. Воронин оборвал аудиенцию:

— Ничего не могу сделать! Нужна ваша личная подпись. Следующий!

Ульяна Пименовна направляется туда, где ей выдали чек,— в финансовый отдел. Заведующий отделом товарищ Мергалев и старший налоговый инспектор товарищ Зидс выслушали её рассказ, возмутились бюрократическими нравами в банке, сказали:

— Мы с вами пойдём туда и всё уладим.

Делегация из райфо в составе заведующего и старшего инспектора была принята управляющим отделением Госбанка. Делегация убеждала Г. Д. Воронина в том, что бабушке Холоповой надо пойти навстречу.

Управляющий заявил:

— Принципиально я согласен с вами, но мои возможности тоже ограничены. Нужна виза главного бухгалтера нашего отделения Анны Иосифовны Кузмицкой.

Служебный день был на исходе, когда Ульяна Пименовна предстала перед главным бухгалтером. Выслушав её, А. И. Кузмицкая разъяснила старухе:

— На получение денег требуется личная подпись. Вы неграмотны, учинить подпись не в состоянии. Визу дать не могу, кассир вам денег тоже не даст. Вы можете написать доверенность определённому лицу. Доверенное лицо получит вашу сумму, предварительно, конечно, расписавшись.

Бабушка снова разыскала хорошего человека — инспектора Зидса. Хороший человек пришёл с бабушкой к главному бухгалтеру и выразил желание быть доверенным лицом. Но главный бухгалтер Кузмицкая по каким-то причинам отвела кандидатуру инспектора Зидса и взглянула на часы, давая понять, что приём в банке закончен.

— Как же мне быть, голубушка? — спросила Ульяна Пименовна.

— Можно будет перевести вам денежную сумму почтой.

— А вдруг на почте потребуют личную подпись? А я же неграмотная...

— Могут потребовать,— отрезала гражданка Кузмицкая.

Наступали сумерки. Весь день прошёл у Ульяны Пименовны в хождениях от райфинотдела до отделения Госбанка, в очередях, в рассказах о своей долгой и трудной жизни, о своей неграмотности — этом наследии проклятого прошлого. Уже в сумерки Ульяна Пименовна была снова принята заведующим финансовым отделом товарищем Мергалевым. Бабушка вернула заведующему чек и отправилась домой, надеясь, что на сельской почте, куда может поступить перевод, она не встретит волокитчиков и буквоедов, с которыми ей пришлось иметь дело в городе Даугавпилсе.

Старушка в конце концов свои деньги получила.

Поскольку на этом канитель завершилась, Воронин и Кузмицкая могут теперь сказать:

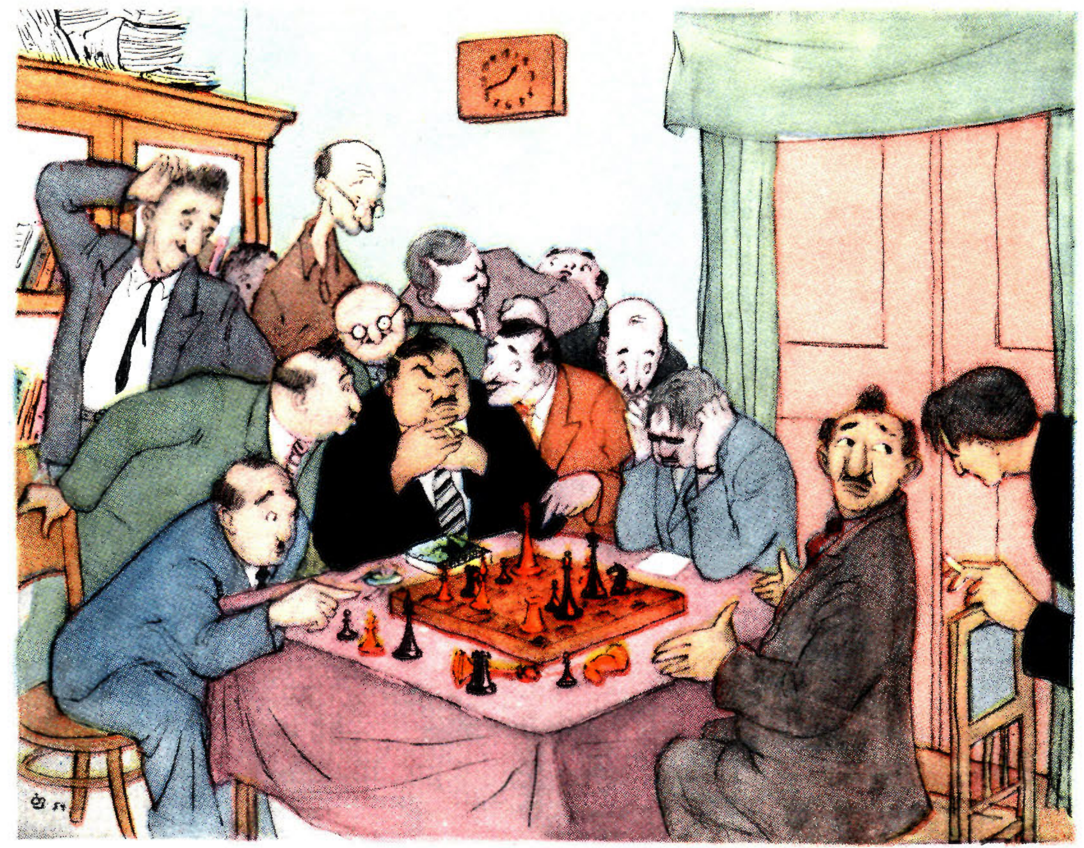
— За что, собственно, вы нас критикуете? Мы действовали строго по инструкции.

Но ни Воронин, ни Кузмицкая никогда не назовут нам такой инструкции, которая препятствует работникам советского аппарата подходить к живому человеку почеловечески.

И. РЯБОВ, А. ГОЛУБЕВ

В ГЛУБОКОМ ЦЕЙТНОТЕ

Рисунок Г. ПИРЦХАЛАВА (Тбилиси).



— Я бы сам охотно проиграл Ивану Ивановичу, но эти подхалимы так бездарно ему подсказывают, что я боюсь выиграть...

КРИВАЯ ВЫВЕЗЕТ...

Неудержимая производственная страсть охватывает директора Чаплыгинского чугунолитейного завода (Липецкая область) в последние дни месяца.

Дым коромыслом стоит не только в литейном цехе, где нет вентиляции, но и в светлом, просторном кабинете директора завода, где составляются победные сводки.

Судя по этим сводкам, программа выполняется в эти решающие дни на 150, а то и на 200 процентов!.. Таких исключительных успехов директор завода Николай Васильевич Дромашко добился за счёт того, что коренным образом упростил технологию производства отопительных котлов.

— К чему собирать на заводе каждый котёл и подвергать его гидравлическим испытаниям, как того требуют технические условия? — размышляет директор. — Куда проще отсчитать комплект секций котла — и айда их на станцию для отправки заказчику.

А там уж дело потребителей: сообразят, как собрать такой котёл, — их счастье, а не додумаются, — пусть себе мёрзнут на здоровье...

Но, на беду Николая Васильевича, немало набирается потребителей, которым невмоготу освоить чаплыгинский котёл, и шлют они на завод из Воронежа, Павловского-Посада, Орехово-Зуева, Москвы гневные рекламации.

«Рекламация» — слово латинское, означает: 1) порицание, выражение неудовольствия, жалобы; 2) заявление, требующее возмещения убытков. Это звучное слово произносится на Чаплыгинском заводе каждый раз по-разному, в зависимости от того, кто его произносит. Рабочие-литейщики — с чувством стыдливости, в бухгалтерии — со страхом: «Опять рекламация!» А директор завода относится ко всему этому равнодушно. Что ему до рекламаций, когда на его графике кривая выполнения месячного плана постоянно витает над сотней процентов!..

В. ГОГОЛЮК

МЕДВЕЖЬЯ УСЛУГА

— Что с этим ребёнком? — спросит читатель. — Какой тяжкий недуг оставил на его лице столь ужасные следы? И почему его фотография помещена рядом с призывом покупать детскую муку?

Успокойтесь, уважаемые читатели: ребёнок таким стал совсем не потому, что его кормили питательной мукой. Наоборот. По заключениям авторитетных специалистов этот продукт более полезен, чем манная крупа, и блюда, приготовленные из детской муки, вкусны и приятны. А вот фотостряпня, изготовленная в виде рекламы редакцией газеты «Красноярский рабочий» в номере от 10 февраля, как видите, и мало приятна на вид и вряд ли пришлась по вкусу как читателям этой газеты, так и организации «Союзоптбакалея», которой газета оказала поистине медвежью услугу.

ТО БЫЛО РАННЕЮ ВЕСНОЙ...

Рисунок Л. САМОЙЛОВА (Рига).

— Выручай, старик, погряз я в этих дорожных делах!..

М. СВЕТЛОВ

Дружеский шарж Бор. ЕФИМОВА.

НА ЗАПАСНОМ ПУТИ

(Пародия на Михаила Светлова)

Талант и сноровка сработали ловко!
Стихи не стареют почти:
«Гренада-Гренада, Каховка-Каховка —
Этапы большого пути».

А ныне другие пути и просторы
Тебя за живое берут:
ЦеДРИ, коктейль-холл, ЦДЛ, Дом актёра —
Таков у поэта маршрут.

Воспрянь же, товарищ, для острого слова
И сердцу покой запрети!
Не хочется верить, что муза Светлова
«Стоит на запасном пути»!

Сергей СМИРНОВ

Дорогой Крокодил!

Дорогой Крокодил!

Несколько раз мы обращались в область с просьбой помочь оборудовать колхозный рынок в районном центре. Долго не было ни ответа, ни привета. Наконец областной торготдел откликнулся на наш призыв и прислал нам...

Радость наша не поддаётся описанию... Мы получили не что-нибудь, а форму отчёта о наличии холодильного, торгового и технологического оборудования. В этой форме отчёта 1 908 граф!

Вот только не знаем, в какую графу и к какому виду оборудования можно отнести две деревянные полки для продажи молока. Ведь кроме этих полок на нашем колхозном рынке никакого оборудования нет.

А так, конечно, большое спасибо облторготделу за внимание к нашим насущным нуждам.

А. БУНЕЕВ

Новая Калитва,
Воронежской области.

Товарищ Крокодил!

Ты уже, наверное, забыл песенку водовоза из кинофильма «Волга-Волга», а вот нам приходится частенько вспоминать о том, что «без воды и ни туды и ни сюды». Дело в том, что у нас, горняков шахты имени Ленина, проживающих отнюдь не в песчаных степях аравийской земли, а в городе Кизеле, по улицам Байдукова, Дзержинского, Большевиков и Белокаменной, вода — редчайшее явление. Время

от времени она появляется в кочегарке детсада № 3, почти в километре от нас, и тогда к детсаду тянутся вереницы людей с вёдрами. Те, кому воды не досталось, бредут в поисках живительной влаги на конный двор, где покорно выслушивают отказ дежурного: «Лошадям не хватает, а тут ещё вы!»

Мы не раз писали в редакции местной и областной газет, просили указать городским властям на то, что к нам не провели воду. В реках уже немало воды утекло, а у нас её и по сей день нет: очевидно, наши письма как в воду канули.

Р. СЕМИКИНА, Н. ТРОНИНА и другие.

г. Кизел,
Молотовской области.

Уважаемый Крокодил!

В нашем обычно тихом городе не так давно случился переполох. Началось это с того, что председатель горисполкома товарищ Трубин высунул голову из двери ванной и произнёс:

— Жена! Позвони-ка этим бездельникам пусть приедут.

Через несколько минут весь город был на ногах. С непрерывными звуками сирены опрометью мчалась по улицам Кагула пожарная машина к особняку Трубина. Вслед за нею толпами бежали жители города, в недоумении спрашивая друг друга:

— Где горит? Куда пожар перекинулся?

Но пожара нигде не было. Это голова города вызвал по тревоге пожарную команду для того, чтобы наполнить водой бассейн, из которого насосом качается вода в ванну его особы.

Мероприятие это вызвано важными обстоятельствами в жизни граждан нашего города: городская баня работает всего один день в неделю, вода в ней для мытья непригодна. В ванне же можно мыться каждый день и с большим удовольствием.

Как видишь, товарищ Крокодил, наш председатель горисполкома с присущими ему размахом и дальновидностью вышел из создавшегося в городе банного затруднения, хотя горожанам от этого не стало лучше.

Может быть, Крокодил поможет найти другой выход, более подходящий не только для товарища Трубина, но и для жителей Кагула?

Твои читатели:
Р. АЛЕХИН,
А. КОЛПАКОВ
и другие.

г. Кагул,
Молдавской ССР

Крокодил помог

◆ В заметке «Пик Коваленко» Крокодил (№ 28, 1953 год) рассказал о том, что по вине заведующего Сараевской конторой «Сельхозснаба» на станции Верда Московско-Рязанской железной дороги скопилось большое количество минеральных удобрений.

Как нам сообщили из Министерства сельского хозяйства РСФСР, минеральные удобрения со станции полностью вывезены в декабре 1953 года.

Заведующий конторой «Сельхозснаба» тов. Коваленко за допущенную небрежность с работы снят.

Все минеральные удобрения, поступающие на станцию Верда, немедленно вывозятся.

◆ В корреспонденции «Разные вкусы» (№ 33, 1953 год) говорилось об антисанитарном состоянии столовой № 3 и о плохой работе санинспектора Дудинского порта тов. Марьясовой.

В настоящее время столовая отремонтирована, в ней расширены рабочее место для обслуживающего персонала и кладовые для хранения продуктов и инвентаря.

Тов. Марьясова от занимаемой должности освобождена.

◆ Главный зоотехник Андреевской МТС Талды-Курганской области тов. Савин жаловался в Крокодил на отсутствие в МТС необходимой заботы о прибывающих на работу специалистах.

После вмешательства Крокодила тов. Савину предоставлена квартира, созданы условия для работы.

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, В. Я. КОНОВАЛОВ, И. В. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, 47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-31-37, Д 3-33-47. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

Москва. Изд. № 244. Подписано к печати 11/III 1954 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 1 бум. л.— 2,74 печ. л.

А 00753. Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 826. Тираж 400 000 экз.

© "Старый КРОКОДИЛ" Сканирование и реставрация
Старый КРОКОДИЛ http://old-crocodile.livejournal.com
Не разрешается публикация на сторонних сайтах без указания ссылки на первоисточник

Рисунок КУКРЫНИКСЫ.

Стремясь сорвать мирное урегулирование корейского вопроса на предстоящем Женевском совещании, Ли Сын Ман вновь кричит о своей «самостоятельности» и готовности Южной Кореи начать «поход на Север».

ЛИСЫНМАНЬКА-ВСТАНЬКА